

«Пустомеля»

То, что употребил я вместо предисловия

Тысяча желаний, набившиеся в мою голову, затмевают рассудок, так что я не знаю, которое прежде удовольствовать и чем начать: вот каково в первый раз сделаться автором! Пустого писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мне и самому не-сносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадется; спорят, критикуют, решат и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно; тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; и так останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях и меняют оные на лапти и яицы, но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых, ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил граммати-

ческих и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. По несчастию нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка; таких грешников не только у нас на Руси, но и во Франции много¹. Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все, начинают и никогда не оканчивают, затем что не имеют цели своим желаниям. Что нравится им, то, думают они, понравится и всем. Но это уже чересчур много обижать читателей, будто они хорошего отличить не умеют от худого. Сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно; а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще они намереваются быть писателями; но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная. Я исследовал самого себя и думал, что я не самолюбив, но меня одна госпожа, которую я очень много почитаю, уверила, что я обманулся: и подлинно, я после узнал, что погрешности в чужих сочинениях мне гораздо приметнее, как в своих, может быть, оттого, что критиковать легче, нежели сочинять, как некоторые утверждают, но я этому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять. Впрочем, чистосердечие осталось во мне и поныне, ибо я тотчас соглашусь и поверю, кто скажет мне, что я написал худо, но, кажется, тому поверю больше и лучшего о том человеке буду мнения, который похвалит. Я еще скажу: самолюбие прилипчивая болезнь. Писать еще лишь только начинаю, а критиковал уже многих. Но я, заговорясь, удалился от своей цели. Говорить и заговариваться, переходя из материи в материю, есть одна из моих слабостей. Читатель! тебе надобно к этому привыкать: в продолжение

¹ Может быть, скажут мне, что я и сам годеи в число сих грешников; не поспорю, но скажу в ответ, что я на свои слабости так же смотрю, как и на чужие (*примеч. Н. И. Новикова*).

моего издания нередко это случаться будет. Ну, г. читатель! теперь я стал автор; может быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя; однако ж не жди, чтобы я тебя об оном уведомил. Сколько хочешь, сам думай, отгадывай, разведывай и трудись, мне до того нужды нет. Многие из вас столько жадны к новостям, сколько подьячие ко взяткам, щеголи и щеголихи к новым модам и кокетки к волокитству, и столько легковверны, как ослепленные любовники. Вы часто о сочинениях судите по сочинителям, а некоторые из вас и не читавши, но по одному только слуху делают неправильные заключения; итак, польза моя требует, чтобы я имя свое утаил. Не знаяши оно, как скоро прочтешь ты десять строк моего сочинения, то наверное заключишь, что я писатель не третьей статьи; может быть, подумаешь, что я человек знатный, следовательно, критиковать не осмелишься; ты подумаешь, может быть, что я — но нет, этого не скажу, а оставлю на твою догадку. Если ж бы узнал мое имя, то, может быть, и переменял бы свое намерение и, вместо почтения, начал бы меня уничтожать. Сносно ли это автору? автору новому, да и такому, который предпринял прославиться во всех концах пространной России? Со временем будут удивляться моим сочинениям, станут их превозносить похвалами, будут покупать с превеликою жадностью и за дорогую цену; скажут: *это преславное сочинение, которого автор нам неизвестен, заслужи...* Потихе, потихе, г. автор, умерь свой восторг, помолчи и оставь это на догадку читателей. Не уподобляйся без нужды тем несносным самохвалам, которые выпрашивают, или лучше сказать, отягощая слушателей чтением своих сочинений, похвалу из них вымучивают и после проповедают, что они до небес оными превознесены были. Пускай завистники из всей силы кричать будут, что твое сочинение вздор. Ты этому не верь; пусть бедные писатели со слезами просят, чтобы их из милосердия не критиковали, и пусть испрашивают они у читателей благосклонного принятия трудов своих: тебя не такая ожидает участь, и для того поступай с читателями отменно. Прими на себя важный вид, подобный тем авторам, которые, не больше десяти строк написав, отнимают первенство у всех прежде их прославившихся творцов. С первой строки приведи читателей своих в удивление и, не дав им опомниться, пользуйся их смятением, повелевай ими по своему желанию, приказывай им бегать вослед за парящим твоим разумом: пусть будут они гоняться по всем местам за

летучими твоими мыслями. Если ж ты сам начнешь уставать, то поймай Пегаса и, седши на него, разъезжай по своему желанию; мучь его, сколько угодно, он будет тебе покорен. Но ежели, паче чаяния, он попротивится и тебя не пустит сесть, то... но этому быть не можно. Когда все бессмысленные рифмотворцы сего бедняка мучат, то как он осмелится противиться тебе? тебе, который предпринял овладеть всем Парнасом? Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается; короче сказать, если тебе Пегас попротивится, то поймай его за гриву, оборви крылья, сядь насильно и поезжай прямо на Парнас, сделайся властителем оного, перемени все по своему желанию и определи новые всем должности. Аполлона за худое правление накажи, определи его парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых твоих стихотворцев; наказание велико, но он того достоин. Сам сядь на его место, возьми лиру и греми по своему желанию; что нужды, складно или нет, лишь только не жалея своих рук, греми громче, удивляться, конечно, будут. Муз распоряди другим порядком. Плаксивую Мельпомену одень в платье из трагических листов, в одну руку дай ей чернилицу с пером, вместо кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и беспрестанно кричать: Ах! увы! погибло все! Вместо венца на голову прикажи комиссару своему написать ей эпитафию. Сим способом будет она смешить, а не плакать заставлять. Талию... О! эту насмешницу надобно хорошенько помучить, до сего времени она всех осмеивала; но ты сделай так, чтобы все, на нее глядя, смеялись. Платье сшей ей гаерское, в руку вместо маски дай ей вызолоченный пузырь с горохом и заставь читать Л** комедии, которых она терпеть не может и которые ее, конечно, измучат. Обезьяну ее не позабудь поставить к ней поближе, и чтобы она сколько возможно больше коверкалась и тем смешила народ. Вот самое лучшее средство комедию превратить в игрище! Каллиопу сделай приворотником; украшения все с нее оборви, она их ныне не достойна; эпические стихи вырви из рук ее и брось; вместо трубы дай ей рожок и прикажи наигрывать повести о троянских витязях. Если ж захочешь ты отвратить посещения, которые тебе,

как новому воеводе, непременно прочими богами сделаются, то прикажи ей читать одну из новых пьес, она, конечно, всех гостей рыганием своим отгонит: ибо с некоторого времени Каллиопа стала весьма обжорлива. Клио пусть ходит по гостинному двору, рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит. Эрату хотя бы и надлежало совсем отставить, но чтобы не сделать ей беспричинной обиды, то оставь ее для приманки, пусть новые твои стихотворцы будут за нею волочиться и станут писать элегии... О! они так ее взбесят, что она, конечно, сама попросится в отставку. Уранию совсем отставь и вели питаться мирским подаванием. Эвтерпа и Терпсихора, обе девки хорошие, правда, что одна очень задумчива, но другая, напротив того, всегда весела. Оставь их обеих для себя; только до того времени без жалованья, пока не выучатся, первая играть на волынке, а другая плясать вприсядку. Полимению пожалуй в копиисты и прикажи переписывать набело все свои сочинения. Славных авторов сделай разносчиками, прикажи им по всем местам продавать свои сочинения и хвалить их сколько возможно больше; им к этому уже не привыкать. Слепого Гомера из жалости сделай хоть вахмистром при Парнасской канцелярии: этот бедный старик в разносчики не годится. Виргилию, наклавши полный мешок нелепых изречений, прикажи ходить по рынку и продавать их невольною ценою. Пегаса назови щепетильником и прикажи продавать по деревням билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафии, песенки и прочие мелочные стихотвореньицы. Ну, г. автор! теперь ты весь Парнас оборотил вверх дном: осталось только одно славное дело сделать.

Все правила стихотворства и грамматики уничтожь: это только пустое затруднение. Позволь писать всякому, кто как хочет и что взбредет на ум; ты увидишь, что у тебя стихотворцев будет во сто тысяч раз больше, как у старого Аполлона; комиссара твоего взбесят, завалят сочинениями и сделают тебе новый Геликон: лишь не накладывай на вранье пошлости. Впрочем, не худо будет, ежели ты Ипокренскую воду превратишь в чернила, новым твоим рифмоторцам великое тем сделаешь облегчение. Наконец... да где ж мой читатель и что он делает? А! он не посмел за мною следовать и, оставшись в Петербурге, заснул. Подожди, я тотчас тебя разбужу. Читатель!.. Но, увы! Я и сам проснулся и сделался из Аполлона простым писцом: такое превращение несносно! А причину сему

ты, читатель; ты помешал мне наслаждаться приятною мечтою. Скажешь, что все это вздор! согласен; но мало ли подобных сему вздоров ты хвалил? так поступи, пожалуй, и с моим так же. Желать того, чего не можно получить, и возвышаться выше своей сферы есть слабость общая всех человеков. Все люди бредят, но бредят только во сне, а молодые писцы имеют дар бредить и въяве. Теперь узнал ты, читатель, каково иметь дело с молодым писателем и его восторгом. Я начал писать предисловие, в котором должен был уведомить о том, *что* буду сообщать в моем издании, но, заговорясь, о том совсем позабыл; я бы должен был ошибку мою исправить и хотя теперь о том тебя уведомить, но боюсь обещать море, чтобы после не вылилась лужа; итак, всего лучше о том не сказывать. Если захочешь читать мое издание, так читай, пожалуй, то, что будет написано; если ж тебе не понравится, так не читай: в моей власти состоит писать, а в твоей читать или нет. Ты поступай в том по своему благорассуждению, а меня оставь следовать моему: кажется, что сим средством можно прожить нам бессорно.